

**СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

УДК 94(470)»15»:930.2; ББК 63.3(2)4; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.201>

С. А. Нефедов

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Вопрос о происхождении российского абсолютизма является дискуссионным. Многие историки относят формирование абсолютной монархии ко времени Петра I, но некоторые специалисты находят его истоки в правлении Ивана Грозного¹. При этом зачастую они говорят о происхождении российского «самодержавия». Семантический анализ показывает, что в работах Д. Н. Альшица, Я. С. Лурье, И. Я. Фроянова этот

¹ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1995.

термин был синонимом «абсолютизма»². Однако необходимо более подробно остановиться на содержании понятия «абсолютизм».

В обычной терминологии «абсолютизм, или абсолютная монархия... – та форма монархии, которая не признает никаких ограничений для носителя верховной власти»³. До недавнего времени абсолютизм считался характерной чертой едва ли не всех европейских государств раннего Нового времени, однако в 1992 г. Н. Хеншелл показал, что это понятие не отражает всей сложности отношений монарха и элиты. Согласно ученому, эти отношения строились преимущественно на основе неформальных компромиссов, которые существенно ограничивали власть суверена⁴.

Ревизия господствовавшей прежде концепции не была полной. Многие историки, как на Западе, так и в России продолжали пользоваться понятием «абсолютизм». Д. А. Ляпин отмечает, что дискуссия, порожденная книгой Н. Хеншелла, закончилась тем, что историки признали: не стоит идеализировать понятие «абсолютизм», но за отсутствием альтернативы нет смысла от него отказываться⁵. Ограниченность объема статьи не позволяет углубляться в детали этой дискуссии, отметим лишь, что соответствующий историографический обзор содержится в работе М. М. Крома⁶. Ученый писал, что это понятие «не может служить концептуальной рамкой общеевропейской модели государства раннего Нового времени», но тем не менее, полагает, что абсолютистские режимы существовали в некоторых странах Центральной и Восточной Европы, и более того, они принимали «откровенно деспотические формы»⁷.

Понятие «абсолютизм» использовалось в теории военной революции, которая утверждала, что распространение огнестрельного оружия вызвало глубокую социальную трансформацию раннемодерных государств⁸. В средние века на полях сражений господствовала тяжеловооруженная кавалерия. Организация военных сил базировалась на предоставлении дворянам-рыцарям земельных владений, бенефициев, ленов или феодалов, которые играли роль натуральной платы за службу. Появление огнестрельного оружия привело к закату эпохи рыцарской конницы – на поле боя теперь господствовали массы наемной пехоты. Создатели теории военной революции, М. Робертс и Дж. Паркер, полагали, что организация и снабжение новых армий требовали создания военизированного бюрократического аппарата. Это открывало дорогу к абсолютизму⁹.

Наиболее четко социально-экономическая часть теории военной революции сформулирована в появившейся в 1992 г. работе Б. Даунинга¹⁰. Исследователь признает

² Золотухина Н. М. Форма правления в России с середины XVI до середины XVII века // Платон. 2018. № 1. С. 38.

³ Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Т. 1. М., 1910. С. 64.

⁴ Henshall N. The Myth of absolutism. Change and continuity in Early Modern European Monarchy. London, 1992.

⁵ Ляпин Д. А. Ритуалы власти: Очерки социально-политической истории России раннего нового времени. М., 2014. С. 5.

⁶ Кром М. М. Государство раннего Нового времени: Общеευропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.

⁷ Кром М. М. Государство раннего Нового времени. С. 15.

⁸ Roberts M. Essays in Swedish history. London, 1967.

⁹ Roberts M. Essays in Swedish history... P. 206; Parker G. The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. New York, 1988. P. 147.

¹⁰ Downing B. The military revolution and political change. Princeton, 1992.

расплывчатость понятия «абсолютизм» и вводит более узкое понятие «военно-бюрократического» абсолютизма.

«Я определяю военно-бюрократический абсолютизм как высоко бюрократизированное и военизированное централизованное государство, – указывает Б. Даунинг. – Этим государством управляют без парламента, уничтожив его или обходя его прерогативы. Военно-бюрократический абсолютизм берет под контроль большинство местных центров власти и управляет экономикой с целью поддержания большой и растущей армии. Основные социальные классы вынуждены покориться, или, чаще, примиряются с абсолютизмом, получая доходы от государственной и военной службы»¹¹.

Изучение истории западноевропейских стран позволило Б. Даунингу нарисовать схему становления военно-бюрократического абсолютизма¹². Мы формализуем эту схему, занумеровав последовательные стадии процесса. (1) Исходной точкой развития является средневековая монархия, в которой власть сюзерена ограничена собраниями (условно, «парламентами»), где преобладают аристократы, распоряжающиеся ресурсами своих земельных владений и содержащие отряды тяжелой кавалерии. (2) Военная революция понижает значение тяжелой кавалерии и требует создания многочисленной армии из вооруженных огнестрельным оружием наемных пехотинцев. (3) Финансирование новой армии требует перераспределения ресурсов в ущерб дворянской аристократии. (4) «Парламенты» сопротивляются этим требованиям, начинается конфликт между монархами и дворянской аристократией. (5) Новая армия обеспечивает победу монархов. (6) Монархи упраздняют «парламенты» или лишают их реальных полномочий. (7) Победившие монархи подчиняют дворянство, отнимают у него часть ресурсов. (8) Проводятся реформы, создается новая финансовая система. (9) Создается новая бюрократия, на должности привлекаются простолюдины. (10) Дворянство пытается встроиться в эти новые структуры, занимая служебные должности.

Б. Даунинг оговаривается, что такая поэтапная трансформация характерна для стран, вовлеченных в тяжелые и длительные войны и вынужденных к чрезвычайной мобилизации внутренних ресурсов. В богатых, промышленно развитых и выгодно географически расположенных странах внутренняя мобилизация не принимала таких масштабов, конфликт монархов с парламентами был менее острым и здесь мог сохраниться конституционный строй¹³.

Против концепции Б. Даунинга было выдвинуто возражение, состоявшее в неучете тезиса Н. Хеншелла о неформальном компромиссе между монархией и элитами¹⁴. Очевидно, что взаимоотношения между монархом и дворянством в разных странах и в разное время могли быть различными – от реального сотрудничества до полного подчинения. Для того, чтобы рассеять сомнения в существовании абсолютизма, нужно рассмотреть крайний случай, когда результатом конфликта является полное подчинение элиты монарху и нет смысла говорить о каком-либо компромиссе. Мы будем называть такое государство *военно-бюрократической автократией*.

¹¹ *Downing B.* The military revolution... P. 11.

¹² *Downing B.* The military revolution... P. 74–78.

¹³ *Downing B.* The military revolution... P. 239.

¹⁴ *Dunning Ch., Smith N.* Moving beyond absolutism: Was Early Modern Russia a «fiscal-military» state? // *Russian History*. 2006. Vol. 33. Issue 1. P. 19–44.

Ситуация, в которой монарх полностью подчиняет дворянство, на первый взгляд, кажется необычной, поэтому необходимо остановиться подробнее на том, каким образом рождается на свет военно-бюрократическая автократия. Изложенный ниже материал будет полезен при рассмотрении гипотезы о появлении автократии в России.

Скандинавские историки называют военно-бюрократические автократии «*maktstat*», («могущественное государство») ¹⁵. Первым государством такого типа была Дания. В первой половине XVII в. Дания оставалась средневековой монархией: король правил совместно с риксродом, большая часть земель принадлежала знати, которая поставляла в армию рейтар, заменивших к тому времени рыцарей. В 1658 г. шведская армия осадила Копенгаген – Дания находилась под угрозой гибели, и лишь вмешательство союзников позволило стране сохранить независимость. Осенью 1660 г. перед собранием сословий был поднят вопрос о создании новой наемной армии и обеспечении ее финансирования, то есть о лишении дворян налоговых привилегий. Дворянство сопротивлялось такому решению, тогда бюргеры и духовенство обратились к королю Фредерику III с предложением вручить ему абсолютную власть для проведения реформ. Король принял предложение, зал собрания был окружен королевской гвардией – дворянство было вынуждено капитулировать. Фредерик III стал абсолютным монархом – таково было рождение датской военно-бюрократической автократии ¹⁶.

В результате проведенных реформ дворяне лишились привилегий – как в отношении налогов, так и в отношении занятия офицерских и чиновничьих должностей. После реформ дворяне составляли меньшинство (20–25 %) офицеров датской армии. Риксрод был распущен и больше не собирался. Автократия создала новое чиновничество и новую иерархию на основе служебного положения. В 1671 г. опубликована «Табель о рангах», а Кодекс 1685 года формально провозглашал юридическое равенство всех подданных ¹⁷.

В 1675 г. новая датская армия попыталась взять реванш и высадилась в Швеции. Шведский флот был разгромлен. Как и в Дании в 1660 г., шведское олигархическое правительство было деморализовано обвинениями в военных поражениях. Дворян обвиняли также в захвате коронных земель, что лишило армию финансовых средств. На риксдаге 1680 г. низшие сословия потребовали возврата государству захваченных земель («редукции»). Был создан трибунал для суда над отстраненными членами правительства. Королевская лейб-гвардия окружила риксдаг; запуганное дворянство вынуждено согласилось на проведение редукции. Сословия вручили королю абсолютную власть ¹⁸.

Дворянство лишилось половины своих земель и утратило привилегии на занятие должностей. В армии большинство низших офицеров являлись простолюдинами, при этом капитанам присваивалось дворянство, которое становилось почетным званием. К концу XVII в. 70 % сословия составляли безземельные служилые дворяне. Как и в Дании, была введена «Табель о рангах» ¹⁹.

¹⁵ *Jespersen L.* (ed.) *A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia* Odense, 2000. P. 27.

¹⁶ *Jespersen L.* (ed.) *A revolution from above?* P. 118.

¹⁷ *Lind G.* Military and absolutism: The army officers of Denmark–Norway as a social Group and political factor, 1660–1848 // *Scandinavian Journal of History*. 1987. Vol. 12. № 3. P. 225, 226, 230.

¹⁸ *Upton A.* Charles XI and Swedish absolutism, 1660–1697. Cambridge. 2006. P. 45–55.

¹⁹ *Upton A.* Charles XI and Swedish absolutism... P. 57–58, 69.

Таким образом при обстоятельствах, подобных датским, – в условиях военного поражения и необходимости обеспечить средства для содержания армии – в Швеции пришла к власти военно-бюрократическая автократия²⁰. Механизм установления автократического режима был одинаковый: по сути это военный переворот, осуществленный королевской гвардией при поддержке народа. Разумеется, переворот не мог бы совершиться, если бы как в средние века сила находилась на стороне рыцарей-дворян. Однако военная революция лишила дворянство этой силы.

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство: военно-бюрократическая автократия была нестабильной, она зависела от личных качеств монарха. Гибель Карла XII означала конец автократии в Швеции. В Дании происходила медленная эрозия военно-бюрократической автократии. С 1710 г. допустили продажу должностей, появилось новое бюрократическое дворянство, которое постепенно смешалось со старым дворянством и стало оказывать сильное давление на монархию. После смерти Фредерика IV в 1730 г. страной фактически управляла министерская бюрократия.

Если вернуться к схеме, описывающей механизм появления военно-бюрократического абсолютизма, то мы увидим, что в описанных эпизодах датской и шведской истории развитие последовательно проходило через стадии (1)–(10). Попробуем применить эту схему к истории России. Западные историки²¹ ранее использовали для изучения влияния военной революции модель военно-фискального государства. Данная модель отличалась от схемы Даунинга отсутствием упоминаний о военно-бюрократическом абсолютизме (пункты 5–7). Из российских историков, изучавших ход военной революции в России, тему абсолютизма затрагивали В. В. Пенской и Т. М. Пенская²². Ссылаясь на работы Н. Хеншелла, ученые отрицали существование абсолютизма в России XVI века.²³

Между тем, как отмечалось выше, некоторые историки (без связи с военной революцией), утверждали, что абсолютизм в России XVI в. все же существовал – именно, во времена Ивана Грозного. Правда, такой подход вызывал возражения. Обычный аргумент оппонентов состоит в том, что при Иване Грозном несколько раз собирались Земские соборы. Но что собой представляли эти собрания, остается неясным. В источниках не упоминается ни о выборах участников соборов, ни об их функциях. К. Ю. Ерусалимский отмечает, что Земского собора как органа власти не знают ни официальные летописи, ни служебно-родословная документация, ни актовые источники²⁴.

²⁰ Б. Даунинг называет шведский абсолютизм «военно-популистским»: *Downing B. The Military Revolution...* P. 205.

²¹ *Dunning Ch. The preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 1998. Vol. 25. No. 1–2. P. 119–131.* – М. По также использовал схему военно-фискального государства, не упоминая этот термин: *Рое М. The consequences of the military revolution in Muscovy in comparative perspective // Comparative studies in society and history. 1996. Vol. 38. No. 4. P. 603–618.*

²² *Пенской В. В., Пенская Т. М. Московская «недотириания» раннего Нового времени в современной историографии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 18–32.*

²³ *Пенской В. В., Пенская Т. М. Московская «недотириания»... С. 21–22.*

²⁴ *Ерусалимский К. Ю. У истоков российской политической культуры: С. О. Шмидт в осмыслении абсолютизма // Археографический ежегодник. 2019. Т. 1. № 1. С. 192.*

Вернемся теперь к проверке соответствия схемы Даунинга (пункты 1–10) событиям российской истории XVI в. Сразу же оговоримся, что дальнейшие рассуждения носят гипотетический характер и лишь предлагают тезисы для дальнейшего обсуждения.

Соответственно пункту (1), в первой половине XVI в. великокняжеская власть в России была ограничена существованием Боярской думы. В 1540-х гг. решения Боярской думы были равнозначны великокняжеским указам²⁵. Далее, соответственно пункту (2), военная революция потребовала создания войска из наемных пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием. Из существовавших к тому периоду временных контингентов «пищальников» в 1550 г. был создан трехтысячный отряд «выборных стрельцов». Это была личная гвардия царя, несшая охрану дворца. Стрельцы жили в Воробьевой слободе под Москвой, занимались тренировками и постоянно находились в боевой готовности. Помимо «выборных стрельцов» существовали и другие стрелецкие подразделения, размещенные по городам. Как показало взятие Казани, стрельцы были наиболее боеспособными частями русского войска²⁶.

Согласно пункту (3) схемы Даунинга, создание стрелецкого войска (и многочисленной артиллерии) потребовало больших финансовых затрат, введения новых налогов и перераспределения ресурсов. Здесь нужно отметить, что последовательность этапов в этой схеме не является чем-то непреложным, возможен вариант, когда финансовые реформы, требующие создания новой бюрократии (пункты 8 и 9) начинаются еще до конфликта монарха со знатью: аристократия какое-то время терпит ущемление ее интересов. С началом налоговой реформы (с 1551 года) отработочные повинности («ям», «посоха» и т. д.) заменяются выплатой денег²⁷. Затем стала проводиться губная реформа, по которой наместники из числа аристократов заменялись выборными старостами, а причитавшиеся им прежде «корма» перечислялись в казну. Естественно, что эта реформа вызвала недовольство знати, лишавшейся доходов и власти в провинции²⁸.

Налоговая реформа и реорганизация военных сил потребовали создания новой бюрократической организации. Появились приказы, Казенный, Стрелецкий, Ямской, Поместный и т. д. Формально главой каждого приказа считался думный боярин, но на практике делами руководил его заместитель, «дьяк» – обычно из числа священников. Не смотря на «худородное» происхождение, дьяки, руководившие приказами, были введены в Думу и стали «думными дьяками». Это выдвижение «худородных» вызывало возмущение у родовитых бояр. Князь Курбский писал, что писарям русским царь «зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичей или от простого всенародства, а от ненавидячи творит вельмож своих»²⁹.

В обстановке Ливонской войны острая потребность в финансовых ресурсах побуждает Ивана Грозного перейти к наступлению на боярское землевладение. Издается

²⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960. С. 256.

²⁶ Романов М. Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 13; Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 307–308.

²⁷ Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северозападной Руси в XVI – первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 79. Табл. 5.

²⁸ Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 162–163.

²⁹ Цит. по: Скрынников Р. Г. Великий государь... Т. I. С. 265.

указ о конфискации выморочных вотчин. Знать оказывает сопротивление: известно, что при обсуждении указа «князь Михайло (Воротынский) царю погрубил»³⁰. Соответственно схеме Даунинга (пункт 4), конфликт был неизбежен. К началу 1560-х гг. отношения монарха и бояр еще более обострились. Главу Думы, князя Ивана Бельского, уличили в намерении отъехать в Литву. Однако Дума противилась преданию Бельского суду. В этом и в других конфликтах проявлялась действительная расстановка сил: царь не обладал абсолютной властью и не мог настаивать на исполнении своих требований³¹. Между тем, перебежчиков становилось все больше. Царь считал, что поражения русской армии объясняются изменой военачальников-бояр. Тогда Иван Грозный сделал решительный шаг: в декабре 1564 г. он оставил Москву и, угрожая отречься, предъявил Боярской думе свои требования. В том числе, царь требовал возврата земель, присвоенных знатю в 1540-х гг. Его послание вызвало волнения москвичей, и бояре были вынуждены сдаться – они согласились предоставить Ивану Грозному чрезвычайные полномочия и выдать обвиняемых в измене³².

В этих обстоятельствах бояре были вынуждены уступить вступившимся за царя горожанам (как в Швеции и Дании, низшие сословия выступили на стороне монарха). Однако (как в Швеции и Дании) на стороне монарха была армия: остановившегося в Александровской слободе царя окружала «воинская сила», очевидно, в том числе, и стрельцы его личной охраны. С учреждением опричнины дворцовые стрельцы вошли в состав опричного войска, 500 стрельцов охраняли дворец царя – их называли дворцовыми стрельцами³³. Таким образом, новая армия обеспечила победу абсолютизма (пункт 5).

Заметим, что, как в Швеции и Дании, абсолютистский переворот произошел после военных поражений и знать обвиняли в нежелании предоставить средства для войны. Но в России ситуация усугублялась обвинениями в измене и заговорах, что сделало конфликт чрезвычайно жестоким. Царь ввел опричнину, производились казни изменников, действительных и мнимых. В соответствии со схемой Даунинга (пункт 6), Иван Грозный лишил Думу реальных полномочий. Состав Боярской думы во время опричнины уменьшился втрое – многие были казнены, другие насильственно пострижены в монахи. В Думе теперь хозяйничали опричники³⁴. «Таким образом, – констатирует Д. Н. Альшиц, – говорить о обезьязыченных соборах и об обезглавленной Боярской думе в годы опричнины как об органах сословного представительства, ограничивающих власть монархии, не приходится. Факты говорят о том, что уже тогда было установлено самодержавие, то есть “форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю”»³⁵.

Однако, в соответствии со схемой Даунинга (пункт 7), смысл репрессий заключался не только в обеспечении покорности аристократии, но и в перераспределении

³⁰ Цит. по: *Скрынников Р. Г. Великий государь...* С. 273.

³¹ *Скрынников Р. Г. Великий государь...* С. 271, 282, 320.

³² *Скрынников Р. Г. Великий государь...* С. 342.

³³ *Романов М. Ю. Стрельцы московские...* С. 17–18; *Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного.* М., 1964. С. 87–88.

³⁴ *Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России.* Л., 1988. С. 12.

³⁵ *Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России...* С. 13. – Закавыченная Д. Н. Альшицем фраза-цитата из: *Ленин В. И. Полное собрание сочинений.* Т. 4. 1959. С. 252.

ресурсов, отнятии у знати части ее земель. У более чем полуторасотен князей и бояр были отняты владения, их сослали на поселение в Казань³⁶. Хотя через какое-то время некоторым изгнанникам позволили вернуться, им не возвратили их земли. Дж. Флетчер писал о том, как изменилось положения князей и бояр при Иване Грозном: «Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич... человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока наконец, не сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами... Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав... он дал им другие земли на праве поместном... владение коими зависит от произвола царя... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими...»³⁷ Парализованная страхом знать была вынуждена покориться и служить монарху (пункт 10). Как известно, младшие отпрыски знатных родов не отказывались наравне с простолюдинами служить в опричнине³⁸ и, очевидно, участвовали в расправах над боярами.

Итак, мы видим совпадение реального социального процесса с теоретической схемой Б. Даунинга по 10 пунктам. Это не может быть случайностью: если допустить случайное совпадение в каждом пункте с вероятностью 50 %, то вероятность случайного совпадения в 10 пунктах будет практически нулевой (0,1 %). Таким образом, ход событий в правление Ивана Грозного позволяет предполагать, что очерченный Даунингом общий механизм военной революции действовал и в России и привел к созданию военно-бюрократической автократии.

В работах западных специалистов успех «государственного строительства» (*state building*) оценивается через размеры мобилизации ресурсов центральной налоговой системой (*state capacity*). В распоряжении исследователей имеются лишь фрагментарные данные о размерах налогов во времена Ивана Грозного, в частности, есть сведения о податях, которые платили поместные крестьяне в Бежецкой пятине Новгородской земли (государственных крестьян было тогда немного). Следует учесть, что из-за изменения цен на хлеб размеры денежных налогов не вполне отражают их сравнительную тяжесть, нам необходимо оценить, сколько хлеба нужно продать крестьянам, чтобы оплатить налоги. Если мы будем считать, что «условный хлеб» состоит из ржи и овса в равных объемных долях, то условный размер налогов будет следующим (см. Таблицу 1).

Расчеты показывают, что до 1550 г. денежные налоги были невелики – в этот период основную роль играли натуральные подати и повинности. В 1550-х гг. происходит коммутация повинностей, в 1552–1556 гг. налоги в пересчете на хлеб составляют 1,7 пуда. После введения опричнины, налоги увеличиваются более чем в два раза, то есть формально «государственная мощь» (*state capacity*) увеличилась более, чем вдвое.

Естественно, рост налогов связан с необходимой мобилизацией ресурсов в условиях тяжелой войны. «Можно по-разному оценивать мобилизационные меры центральной власти, – отмечает А. И. Филюшкин, – но, так или иначе, собранные людские и материальные ресурсы позволили стране выдержать серию тяжелых войн и избежать

³⁶ Скрынников Р. Г. Великий государь... Т. II. С. 388–393.

³⁷ Флетчер Д. О государстве Русском // Россия XVI века: Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 41.

³⁸ Корзинин А. Л. О персональном составе опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат. 2016. № 4. С. 9–30.

военной катастрофы»³⁹. Как известно, Московия в этот период конфликтовала со всеми соседями. В 1571 г. центральные уезды были опустошены нашествием крымских татар. Неурожаи привели к голоду, который сопровождался губительными эпидемиями. Рост податей усугублял положение – крестьяне бежали в монастырские поместья «на льготу» или на Юг, в казаки. В условиях разорения, голода и чумы было невозможно собирать прежние налоги. Сбор налогов упал втрое, государство обессилело, и Иван Грозный, оказавшись не в состоянии прорубить «окно в Европу», заключил мир с поляками и шведами. Тем не менее, татарам было нанесено тяжелое поражение, присоединено Поволжье, и южная степная граница отодвинута на сотни верст.

Таблица 1. Динамика налогов, платимых поместными крестьянами в Бежецкой пятине (в пудах хлеба на душу населения) в 1525–1584 гг.

Годы	Повинности (пудов)
1525–1535	0,3
1536–1545	0,3
1552–1556	1,7
1561–1562	2,8
1568–1569	3,6
1582–1584	1,0

Источник: Нефедов С. А. *История России: Факторный анализ*. М., 2010. Т. I. С. 267.

Как отмечалось выше, военно-бюрократическая автократия нестабильна и ее судьба зависит от личности монарха. Гибель Карла XII привела к падению автократии в Швеции, смерть Ивана IV – к падению автократии в России. После Смуты уровень мобилизации ресурсов (т. е. налоги поместных крестьян) упал до 0,2 пуда хлеба на душу, лишь в 1670-х гг. он повысился до 0,5 пуда, и в 1680-х гг. – до 0,7 пуда. Как доказывают Ч. Даннинг и Н. Смит, в XVII в. Московское царство было «военно-фискальным государством», где монарх правил на основе компромисса со знатью, которая не позволяла повышать налоги в ущерб своей ренте⁴⁰. Соответственно, государство было слабым и не раз терпело поражения в войнах. Абсолютизм установился в России лишь при Петре I, увеличившим уровень мобилизации ресурсов и поднявшим налоги до 3,9 пуда на душу населения⁴¹.

В целом можно заключить, что теория военной революции помогает понять направленность и некоторые важные моменты социально-политического развития России в XVI века. Вероятно, Россия действительно прошла через обрисованные Б. Даунингом ступени рождения военно-бюрократического абсолютизма, хотя для окончательного решения этого вопроса требуется продолжение исследований.

Информация о статье

Автор: Нефедов, Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральское отделение Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия, Orc ID 0000-0003-0136-5020, Researcher ID Q-1642-2015, Scopus ID 40861593700, SPIN-код 9830-0926; e-mail: hist1@yandex.ru

Заголовок: Происхождение российского абсолютизма в контексте теории военной революции

³⁹ Филлюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 314.

⁴⁰ Dunning Ch., Smith N. *Moving Beyond Absolutism...*

⁴¹ Нефедов С. А. *История России: Факторный анализ*. Т. II. М., 2011. С. 15.

Резюме: Статья посвящена интерпретации социально-политических процессов в правление Ивана Грозного с позиций теории военной революции. Следуя исследованиям Б. Даунинга, автор выделяет десять стадий эволюции средневековой монархии к военно-бюрократическому абсолютизму и применяет эту схему к истории Швеции, Дании и России. Ученый находит параллели в ходе их истории. Исходной точкой развития является средневековая монархия, в которой власть созерцена ограничена собраниями (условно, «парламентами»), где преобладают аристократы, распоряжающиеся ресурсами своих земельных владений. Военная революция понижает значение рыцарства и требует создания многочисленной армии из вооруженных огнестрельным оружием наемных пехотинцев, однако финансирование новой армии требует перераспределения ресурсов в ущерб дворянской аристократии, чему сопротивляются «парламенты», провоцируя конфликт между монархами и дворянской аристократией. Новая армия обеспечивает победу монархов, которые упраздняют «парламенты» или лишают их реальных полномочий. Далее победившие монархи подчиняют дворянство, отнимают у него часть ресурсов, проводят реформы, создают новую финансовую систему. Итогом этих процессов становится создание новой бюрократии, на должности привлекаются простолудины, а дворянство пытается встроиться в новые структуры, занимая служебные должности. Принимая во внимание критику понятия «абсолютизм» в контексте поиска неформальных компромиссов между монархом и аристократией, автор статьи ограничивается анализом случаев, когда таких компромиссов заведомо быть не могло, когда монарх полностью подчинил аристократию. Автор отмечает, что этот вывод является предварительным, и проблема требует дальнейшего детального исследования.

Ключевые слова: абсолютизм, автократия, теория военной революции, Иван Грозный, Боярская дума, опричнина, налогообложение.

Литература, использованная в статье:

- Абрамович, Глеб Владимирович.* Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84.
- Альшиц, Даниил Натанович.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Ленинград: Наука, 1988. 241 с.
- Ерусалимский, Константин Юрьевич.* У истоков российской политической культуры: С. О. Шмидт в осмыслении абсолютизма // Археографический ежегодник. 2019. Т. 1. № 1. С. 176–214.
- Зимин, Александр Александрович.* Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. Москва: Соцэргиз, 1960. 511 с.
- Зимин, Александр Александрович.* Опричнина Ивана Грозного. Москва: Мысль, 1964. 535 с.
- Золотухина, Наталья Михайловна.* Форма правления в России с середины XVI до середины XVII века // Платон. 2018. № 1. С. 38–45.
- Корзинин, Александр Леонидович.* О персональном составе опричного двора Ивана Грозного // Исторический формат. 2016. № 4. С. 9–30.
- Кром, Михаил Маркович.* Государство раннего Нового времени: Общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.
- Ляпин, Денис Александрович.* Ритуалы власти: Очерки социально-политической истории России раннего нового времени. Москва: Верстовой, 2014. 387 с.
- Нефедов, Сергей Александрович.* История России: Факторный анализ: В 2 т. Москва: Издательский дом «Территория будущего». Т. 1. М., 2010. 376 с.; Т. 2. М., 2011. 688 с.
- Пенской, Виталий Викторович; Пенская, Татьяна Михайловна.* Московская «недотирания» раннего Нового времени в современной историографии // Научный результат: Социальные и гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 18–32. DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-2
- Пенской, Виталий Викторович.* Великая огнестрельная революция. Москва: Яуза, 2010. 448 с.
- Романов, Максим Юрьевич.* Стрелцы московские. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. 352 с.
- Скрынников, Руслан Григорьевич.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. Смоленск: Русич, 1996.
- Филлюшкин, Александр Ильич.* Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.
- Шмидт, Сигурд Оттович.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. Москва: Прогресс, 1995. 493 с.
- Downing, Brian.* The military revolution and political change. Princeton: Princeton University Press, 1992. 308 p.
- Dunning, Chester.* The preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 1998. Vol. 25. No. 1–2. P. 119–131.

- Dunning, Chester; Smith, Norman. Moving beyond absolutism: Was Early Modern Russia a «fiscal-military» state? // *Russian History*. 2006. Vol. 33. Issue 1. P. 19–44.
- Henshall, Nicholas. The myth of absolutism: Change and continuity in Early Modern European Monarchy. London: Longman, 1992. 256 p.
- Jespersen, Leon (ed.). A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia. Odense: Odense University Press, 2000. 383 p.
- Lind, Gunner. Military and absolutism: The army officers of Denmark-Norway as a social Group and political factor, 1660–1848 // *Scandinavian Journal of History*. 1987. Vol. 12. No 3. P. 221–243.
- Parker, Geoffrey. The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. New York: Cambridge University Press, 1988. 265 p.
- Poe, Marshall. The consequences of the military revolution in Muscovy in comparative perspective // *Comparative studies in society and history*. 1996. Vol. 38. No. 4. P. 603–618.
- Roberts, Michael. *Essays in Swedish History*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967. 358 p.
- Upton Anthony. Charles XI and Swedish absolutism, 1660–1697. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 251 p.

Information about the article

Author: Nefedov, Sergey Alexandrovich – Dr. Sc. in History, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, Orc ID 0000-0003-0136-5020, Researcher ID Q-1642-2015, Scopus ID 40861593700, SPIN-code 9830-0926; e-mail: hist1@yandex.ru

Title: The origin of Russian absolutism in the context of the military revolution theory

Summary: The article is devoted to the interpretation of socio-political processes during the reign of Ivan the Terrible from the standpoint of the theory of military revolution. Following the well-known work of B. Downing, the author identifies ten stages in the evolution of the medieval monarchy to military-bureaucratic absolutism. Such cases are described in the history of the Scandinavian states. Further, the socio-political processes of the times of Ivan the Terrible are analyzed from the point of view of their correspondence to the distinguished steps. It is concluded that these processes follow the scheme of B. Downing. The starting point of development is the medieval monarchy, in which the power of the suzerain is limited to assemblies (conditionally, «parliaments»), where aristocrats predominate, managing the resources of their land holdings. The military revolution downgrades the importance of chivalry and requires the creation of a large army of firearms-wielding mercenary infantrymen. Funding a new army requires a reallocation of resources to the detriment of the aristocracy. The «Parliaments» resist these demands, and a conflict ensues between the monarchs and the aristocracy. The new army ensures the victory of the monarchs. Monarchs abolish «parliaments» or deprive them of real powers. The victorious monarchs subdue the nobility, take away some of its resources. Reforms are being carried out, a new financial system is being created. A new bureaucracy is being created, and commoners are recruited for positions. The nobility is trying to fit into these new structures by taking office positions. Taking into account the criticism of the concept of «absolutism» in the context of the possibility of informal compromises between the monarch and the aristocracy, the author confines himself to considering cases where such compromises obviously could not have happened, when the monarch completely subordinated the aristocracy. The author notes that this conclusion is preliminary, and the problem requires further detailed research.

Keywords: absolutism, autocracy, military revolution theory, Ivan the Terrible, Boyar Duma, oprichnina, level of taxation

References:

- Abramovich, Gleb Vladimirovich. Gosudarstvennye povinnosti chastnovladel'cheskih krest'yan severo-zapadnoy Rusi v XVI – pervoy chetverti XVII veka [State duties of privately owned peasants of northwestern Russia in the 16th – first quarter of the 17th century], in *Istoriya SSSR*. 1972. № 3. Pp. 65–84. (in Russian).
- Al'shits, Daniil Natanovich. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii: Gosudarstvo Ivana Groznogo* [The beginning of autocracy in Russia: The state of Ivan the Terrible]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 241 p. (in Russian).
- Downing, Brian. *The military revolution and political change*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 308 p.
- Dunning, Chester. The preconditions of Modern Russia's First Civil War, in *Russian History*. 1998. Vol. 25. No. 1–2. Pp. 119–131.
- Dunning, Chester; Smith, Norman. Moving beyond absolutism: Was Early Modern Russia a «fiscal-military» state?, in *Russian History*. 2006. Vol. 33. Issue 1. Pp. 19–44.

- Erusalimskiy, Konstantin Juryevich. U istokov rossiyskoy politicheskoy kul'tury: S. O. Shmidt v osmyslenii absolyutizma [At the origins of Russian political culture: S. O. Schmidt in understanding absolutism], in *Arheograficheskiy ezhegodnik*. 2019. T. 1. № 1. Pp. 176–214. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich. *Pervoe protivostoyanie Rossii i Evropy: Livonskaya voyna Ivana Groznogo* [The first confrontation between Russia and Europe: The Livonian War of Ivan the Terrible]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. 320 p. (in Russian).
- Henshall, Nicholas. *The myth of absolutism: Change and continuity in Early Modern European Monarchy*. London: Longman, 1992. 256 p.
- Jespersen, Leon. (ed.) *A revolution from above? The power state of 16th and 17th century Scandinavia*. Odense: Odense University Press, 2000. 383 p.
- Korzinin, Aleksandr Leonidovich. O personal'nom sostave oprichnogo dvora Ivana Groznogo [On the personal composition of the oprichnina court of Ivan the Terrible], in *Istoricheskiy format*. 2016. № 4. Pp. 9–30. (in Russian).
- Krom, Mihail Markovich. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: Obscheevropeyskaya model' i regional'nye razlichiya [State of the Early Modern period: A Pan-European model and regional differences], in *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2016. № 4. Pp. 3–15. (in Russian).
- Lind, Gunner. Military and absolutism: The army officers of Denmark-Norway as a social group and political factor, 1660–1848, in *Scandinavian Journal of History*. 1987. Vol. 12. No 3. Pp. 221–243.
- Lyapin, Denis Aleksandrovich. *Rituality vlasti: Ocherki social'no-politicheskoy istorii Rossii Rannego Novogo vremeni* [Rituals of power: Essays on the socio-political history of Russia in the Early Modern period]. Moscow: Verstovoy Publ., 2014. 387 p. (in Russian).
- Nefedov, Sergey Aleksandrovich. *Istoriya Rossii: Faktorniy analiz* [History of Russia: Factor analysis]. 2 vols. Moscow: Territoriya budushhego Publ., 2010–2011. T. 1. 376 p.; T. 2. 688 p. (in Russian).
- Parker, Geoffrey. *The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500–1800*. New York: Cambridge University Press, 1988. 265 p.
- Penskoy, Vitaliy Viktorovich. *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [The great firearms revolution]. Moscow: Yauza Publ., 2010. 448 p. (in Russian).
- Penskoy, Vitaliy Viktorovich; Penskaya, Tatyana Mihaylovna. Moskovskaya «nedotiraniya» Rannego Novogo vremeni v sovremennoy istoriografii [Moscow “under-tyranny” of the Early Modern period in modern historiography], in *Nauchniy rezul'tat: Social'niye i gumanitarniye issledovaniya*. 2018. № 2. Pp. 18–32. DOI 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-2. (in Russian).
- Poe, Marshall. The consequences of the military revolution in Muscovy in comparative perspective, in *Comparative studies in society and history*. 1996. Vol. 38. No.4. Pp. 603–618.
- Roberts, Michael. *Essays in Swedish history*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967. 358 p.
- Romanov, Maksim Juryevich. *Strel'tsy moskovskkiye* [Streltsy Moscow]. Moscow: Gosudarstvennaya publitshnaya istoricheskaya biblioteka Rossii Publ., 2004. 352 p. (in Russian).
- Shmidt, Sigurd Ottovich. *U istokov rossiyskogo absolyutizma: Issledovaniye social'no-politicheskoy istorii vremeni Ivana Groznogo* [At the origins of Russian absolutism: A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. Moscow: Progress Publ., 1995. 493 p. (in Russian).
- Skrynnikov, Ruslan Grigoryevich. *Velikiy gosudar' Ioann Vasilyevich Grozniy* [Grand Sovereign Ioann Vasilievich the Terrible]. 2 vols. Smolensk: Rusich Publ., 1996. (in Russian).
- Upton, Anthony. *Charles XI and Swedish absolutism, 1660–1697*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 251 p.
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Oprichnina Ivana Groznogo* [Oprichnina of Ivan the Terrible]. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 535 p. (in Russian).
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Reformy Ivana Groznogo: Ocherki social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii serediny XVI veka* [Reforms of Ivan the Terrible: Essays on the socio-economic and political history of Russia in the middle of the 16th century]. Moscow: Socyegkgiz Publ., 1960. 511 p. (in Russian).
- Zolotuhina, Natalya Mihaylovna. Forma pravleniya v Rossii s serediny XVI do serediny XVII veka [Form of government in Russia from the middle of the 16th to the middle of the 17th century] in *Platon*. 2018. № 1. Pp. 38–45. (in Russian).